

— Так и буду здесь сидеть,— сказал он,— день за днем, месяц за месяцем...

— Что же мне делать? — спросила Алиса.

— Что хочешь,— ответил Лягушонок и засвистал.

«Нечего с ним разговаривать,— с досадой подумала Алиса.— Он такой глупый!»

Она толкнула дверь и вошла.

В просторной кухне стоял густой дым; посредине на колченогом табурете сидела Герцогиня и качала младенца; кухарка у печи склонилась над огромным котлом, до краев наполненным супом.

«В этом супе слишком много перцу!» — подумала Алиса. Она расчихалась и никак не могла остановиться.

Во всяком случае в воздухе перцу было слишком много. Даже Герцогиня время от времени чихала, а младенец чихал и визжал без передышки. Только кухарка не чихала, да еще огромный кот, что сидел у печи и улыбался до ушей.

— Скажите, пожалуйста, почему это ваш кот так улыбается? — спросила Алиса робко. Она не знала, хорошо ли ей заговаривать первой, но не могла удержаться.

— Потому,— сказала Герцогиня.— Это Чеширский Кот — вот почему! Ах ты поросенок!

Последние слова она произнесла с такой яростью, что Алиса прямо подпрыгнула. Но она тут же поняла, что это относится не к ней, а к младенцу, и с решимостью продолжала:

— Я и не знала, что Чеширские Коты всегда улыбаются. По правде говоря, я вообще не знала, что коты умеют улыбаться.

— Умеют,— отвечала Герцогиня.— И почти все улыбаются.

— Я ни одного такого кота не видала,— учтиво заметила Алиса очень довольная, что беседа идет так хорошо.

— Ты многого не видала,— отрезала Герцогиня.— Это уж точно!

Алисе совсем не понравился ее тон и она подумала, что лучше бы перевести разговор на что-нибудь другое. Пока она размышляла, о чем бы еще поговорить, кухарка сняла котел с печи и, не тратя попусту слов, принялась швырять все, что попадало ей под руку, в Герцогиню и младенца. Совок, кочерга, щипцы для угля полетели им в головы, за ними последовали чашки, тарелки и блюда. Но Герцогиня и бровью не повела, хоть кое-что в нее и попало, а младенец и раньше так заливался, что невозможно было понять, больно ему или нет.

— Осторожней, прошу вас,— закричала Алиса, подскочив от страха.— Ой, прямо в нос! Бедный носик!

(В эту минуту прямо мимо младенца пролетело огромное блюдо и чуть не отхватило ему нос.)

— Если бы кое-кто не совался в чужие дела,— хрипло проворчала Герцогиня,— земля бы вертелась быстрее!

— Ничего хорошего из этого бы не вышло,— сказала Алиса, радуясь случаю показать свои знания.— Только представьте себе, что бы случилось с днем и ночью. Ведь земля совершает оборот за двадцать четыре часа...

— *Оборот?* — повторила Герцогиня задумчиво.

И, повернувшись к кухарке, прибавила:

— Возьми-ка ее в *оборот*! Для начала оттяпай ей голову!

Алиса с тревогой взглянула на кухарку, но та не обратила на этот намек никакого внимания и продолжала мешать свой суп.

— Кажется, за двадцать четыре,— продолжала задумчиво Алиса,— а может, за двенадцать?

— Оставь меня в покое,— сказала Герцогиня.— С числами я никогда не ладила!

Тут она запела колыбельную и принялась качать младенца, яростно встряхивая его в конце каждого куплета.

Дерите своего сынка
За то, что он чихает.
Он дразнит вас наверняка,
Нарочно раздражает!

Принева

(Его подхватили младенец и кухарка.)

Гав! Гав! Гав!

Герцогиня запела второй куплет. Она подбрасывала младенца к потолку и ловила его, а тот так визжал, что Алиса едва разбирала слова.

Дерет сынка любая мать
За то, что он чихает.
Он мог бы перец обожать,
Да только не желает!

Принева

Гав! Гав! Гав!